

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Из воспоминаний Б.З. Стецкевич, д. Большие Жукевичи

Бронислава Зыгмундовна Стецкевич родилась в Больших Жукевичах в последний день 1924 года. В семье была старшей. Под ней, рассказывает, подрастали сестры Марыся и Генуэфа. В семнадцать, зимой 43-го, фашисты угнали Броню на принудительные работы в Германию. Оказалась в Пруссии, в девяти километрах от города Гумбиннен (теперь это город Гусев Калининградской области). До сих пор помнит и название местности, где работала у бауэра, – Гервен. Батраков было много, большинство обрабатывали землю. Броня же доила коров. Женщина вспоминает, как везли их, молодых парней и девочек, от родных хат в неволю, и как было страшно стоять в шеренге, к которой подходили бауэры и их жены, ощупывали, как у рабов, мускулы, оценивали зубы. Для нее, по-крестьянски крепкой и от природы здоровой девушки, стресс от разлуки с близкими и родиной оказался настолько сильным, что вскоре в организме начал «зашкаливать» сахар. Так определил доктор-поляк, который девушку, когда ей стало плохо. Он дал таблетки и сказал, что ее крепкий организм справится с болезнью. При этом добавил, что гарантирует ей дожить до ста лет.

Б.З.Стецкевич.

– Мусіць, доктар ведаў, пра што гаворыць, – улыбаецца бабушка. – Жыццё маё, як бачыце, на сотую дзясятку павярнула. А дыябет тады і праўда ад мяне адстаў.

Вместе с 20-летним парнем-полянком из города Лодзь девушка доила 50 коров. Сказать, что им было трудно – значит, ничего не сказать: даже у привычной к крестьянской работе Брони пухли, болели по ночам руки. И она хорошо понимала, как же трудно приходится горожанину, фабричному рабочему Янэку, который поначалу доил молоко себе в рукава. Броня всегда старалась помочь ему, а юноша, в свою очередь, таскал за нее ведра, не разрешал поднимать тяжелые бидоны. Чернявый, симпатичный, толковый и рассудительный паренёк, к мнению которого прислушивались даже работники намного старше его, все больше нравился Броне. Она чувствовала, что и сама

небезразлична Янэку. Так зарождалась их любовь. В короткие минуты отдыха они гуляли по берегу речки, что протекала рядом с селением, и разговаривали, разговаривали... Общались по-польски, и по-белорусски тоже. Как мило, как приятно было переноситься в этих разговорах в родные края, вспоминать о своих семьях, о детстве и юности, забавных эпизодах из жизни. Янэк был единственным ребенком в семье, и родители в нем души не чаяли. Броне из дому изредка приходили посылки. А к парню отец находил возможность и сам приехать. Янэк познакомил его со своей девушкой, и та понравилась отцу.

Шло время. Любовь молодых людей лишь крепла. Броня не узнавала себя: по натуре скрытная и немногословная, она доверчиво рассказывала парню все о себе, доверяла свои самые сокровенные мечты. А Янэк относился к ней очень бережно. Был нежным, трогательно заботливым, берег ее девичью честь.

– Мілы Янэк, – шепчет Бронислава Зыгмундовна, погружившись в свои дорогие воспоминания.

Жизнь в неволе, безусловно, обостряет чувства: Броня так сильно любила парня, что иногда в минуты уединения не скрывала своих счастливых слез. Несмотря на рабство, на унижения и тяжелейший труд, это было ее лучшее время: она – молода, любима, а любовь давала силы и окрыляла надеждой. Но в то же время девушка еще больше тревожилась за их будущее, постоянно помня, что они – на чужбине, и судьба может повернуться как угодно. Янэк же часто с оптимизмом повторял: «Не переживай. Война обязательно закончится. Поженимся и будем жить у меня в Лодзи. Ты ведь согласна?». Она была согласна жить со своим любимым даже на краю света.

«Я буду любить тебя и оттуда...»

Беда пришла, откуда ее не ждали. В селении, где Броня и Янэк работали у бауэра, забеременела молодая жена солдата вермахта, который воевал на восточном фронте. О женщине пошла молва: нагуляла, мол... Этим заинтересовался местный вахмайстор (от автора: он следил за порядком в населенном пункте). Не случилось бы трагедии, если б работник из соседнего бауэрского имения Вася из-под Гродно (кстати, Бронислава Зыгмундовна до сих пор помнит его фамилию и местность, где тот жил до войны) не пошутил перед вахмайстром, что, мол, немка беременна от поляка Янэка. От такой шутки батраков охватил ужас: под сомнение ставилась исключительность великой арийской нации и тот, кто посягал на такое, карался очень строго. Невозможно было поверить в то, что Вася не знал обо всем этом.

...Слушаю Брониславу Зыгмундовну и вспоминаю, что мой отец, который тоже батрачил на Пруссии, рассказывал случай. В деревянных клумпах он в первый же день так растер до крови ноги, что к вечеру не мог ходить. Пожаловался своему бауэру-эсэсовцу, а тот скомандовал: «Ставь ногу на колодку!». Взял большой топор и, высоко замахнувшись им, начал опускать. Отец, подумав вначале, что это шутка, лишь в последний момент успел отдернуть ногу. Потом от батраков он узнал, что хозяин вовсе не шутил: один белорус у него уже остался без пальцев на ноге.

Не шутили фашисты и в Гервене. Немка была наказана. А вскоре забрали и Янэка. Все надеялись, что, разобравшись, парня отпустят. Но шло время, а его все не было. Броня сходила с ума от горя. Однажды утром немцы начали сооружать на опушке леса – он был метрах в трехстах от имения – виселицу. У девушки, когда увидела это, сразу же тревожно екнуло сердце. Ближе к обеду на опушке установили четыре пулемета и согнали туда всех батраков. Броня стояла ни живая ни мертвая, моля Бога: хоть бы это был не её Янэк. А когда увидела, что это именно его тащат из крытой машины, потеряла сознание. Очнулась от того, что кто-то тряс ее за плечи. Это был вахмайстор.

– Янэк хочет видеть тебя, – услышала Броня.

...Не помнит, как подошла к виселице. А вот белое, как мел, лицо Янэка и безмерная боль в его глазах запомнились на всю жизнь. Уже с петлей на шее юноша все же сумел поддержать её улыбкой. Сказал: «Попроси вахмайстра, чтобы в могилу меня так не бросали, а закопали в деревянном ящике. И заberi себе мои вещи из сундучка».

Затем, на самом краю, когда из-под ног уже выбивали колодку, Янэк в отчаянии крикнул: «Я тебя и там любить буду! Только ты замуж не выходи». Броня, сквозь пелену слёз, еле различая лицо любимого, прокричала в ответ: «Обещаю, буду твоей всегда!»

... Утром, подняв опухшее от слез лицо к зеркалу, девятнадцатилетняя девушка не узнала себя: волосы на голове стали совсем седыми.

В лагере она весила 30 килограммов

Прошло полгода. Как и обещал ей Янэк, до батраков начали доходить слухи о приближающемся освобождении. Немцы готовились к отступлению и отправляли батраков в концентрационные лагеря, расположенные на территории Польши. Не избежала этой участи и Броня, она оказалась в концлагере в Гданьске. На мой вопрос, насколько тяжело и страшно там было, бабушка неожиданно сердито ответила: «А гэта рашайце самі: я прабыла там два месяцы і ваьыць стала 30

кілаграмаў. Нам давалі па сто грамаў хлеба і паўлітра супу. І гэта на цэлыя суткі. На работу ж ганялі штодня – капаць акопы. Наранку, выйшаўшы з баракаў, праходзілі праз строй немцаў з аўтаматамі. Тыя падчас ладзілі жудасную гульню: падстаўлялі раптам падножку, і калі чалавек не ўтрымліваўся на нагах – забівалі...»

Домой, после освобождения, Броня добиралась очень долго. С другими узницами они шли пешком, физически и морально поддерживая друг дружку. Но до польского города Торунь Броня не дошла: от истощения и изнеможения упала прямо на дороге. Ее вместе с попутчицами нашли советские солдаты и подобрали в кузов автомобиля. На ближайшей железнодорожной станции командир надеялся посадить бывших узниц на поезд. Но эшелоны через Торунь шли переполненные. То же самое они увидели в Варшаве и в Белостоке. Оттуда в Бельск-Подляский девчата добирались снова пешком. И это подорвало последние силы Брони: врачи местной больницы, куда привели ее подруги, сразу же госпитализировали девушку. Потребовалось почти полугодовое восстановление – от крайнего истощения организм настолько сильно пострадал, что была угроза для жизни. В тот момент девушка часто с надеждой вспоминала польского доктора, который гарантировал ей дожить до ста лет. Врачи в больнице подтвердили его слова: выжить Броне помог лишь очень крепкий и молодой организм.

Эпилог

После войны прошла уже целая жизнь. Бывшая узница фашизма получала доллары и евро – компенсацию Германии за принудительный труд. Но никому и ничем не отплатить женщине за убитую любовь и сломанную судьбу. Бронислава Зыгмундовна все время жила в родной деревне. Сёстры вышли замуж: Марыся - в Польшу, Генуэфа – в свои же Жукевичи. А их старшая сестра работала в полеводстве, двадцать лет – на местной свиноводческой ферме. Когда похоронила родителей, осталась в доме совсем одна.

– Вы так и не вышли замуж? – задаю в конце нашей беседы не дающий мне покоя вопрос.

– Сваталіся людзі, і не раз. Але я, дзетка, дала слова ў такую мінуту і ў такім месцы, што не магла, не мела права яго парушыць.

А со своим Янэком она разговаривала не раз – на его могилке. Очень часто ездила в Польшу к сестре, а оттуда недалеко до местности, где они с Янэком батрачили у немца.

– Раскажу, бывала, яму ўсё, як я жыву, параюся з ім. Там і з бацькам Янэка аднойчы сустрэлася – таксама часта прыязджаў да сына. Яны з маткай пісалі мне пісьмы, я адказвала. Усё клікалі да сябе, каб

жыла ў іх, за дачку ім была. Але не наважылася пакінуць сваіх бацькоў і родныя мясціны. Шкада, што ў Янэка даўно ўжо не была, бо старая стала, сілы не тья. Але хутка мы з ім убачымся – ведаю, што ён і там мяне любіць, і я пра яго не забылася...

Марія Драпеза, 2015 год